

УДК 371.124(470.5)(091)
ББК 4403(235.55)5-4

ГРНТИ 14.09.25

Код ВАК 13.00.01

Елисафенко Марина Константиновна,

кандидат исторических наук, заведующий кафедрой истории России, Институт общественных наук, Уральский государственный педагогический университет; 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 452; e-mail: elisafenko@bk.ru.

Попов Михаил Валерьевич,

доктор исторических наук, профессор, кафедра истории России, Институт общественных наук, Уральский государственный педагогический университет; 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 452; e-mail: m-v-porov@yandex.ru.

КТО ТЫ, УЧИТЕЛЬ: ГРАЖДАНИН ИЛИ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СЛУЖАЩИЙ?

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: съезды учителей; учителя; революции; увольнение учителей; преследования учителей.

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются проблемы соотношения профессионального долга и социальной ответственности учительства в условиях общественно-политической нестабильности, связанной с первой российской революцией 1905–1907 гг. В сельской уральской глубинке педагог был фактически единственным представителем интеллигенции, имевшим возможность интерпретировать происходящие в государстве процессы и просветить едва грамотное население. Однако социально-политическая активность учителей имела для них негативные последствия в различного рода преследованиях со стороны государственной администрации. Педагоги официально имели статус государственных служащих, поэтому должны были сохранять верноподданническую позицию. Однако революционные настроения захватили их, поскольку социальное происхождение большинства учителей было идентичным с основными участниками революции: крестьяне, мещане и прочие городские обыватели. Их объединяли общие представления о необходимых России переменах. В статье обращается внимание на достаточно мягкие формы наказаний учителей по политическим мотивам. Это можно объяснить рядом причин. Во-первых, слабой доказательной базой обвинений в неблагонадежности. В уральской глубинке полицейский контроль практически отсутствовал. Во-вторых, феминизацией учительских кадров на Урале, к женщинам применяли щадящие меры наказаний. В-третьих, срабатывал прагматизм, ведь арестованных и высланных некем было заменить.

Elisafenko Marina Konstantinovna,

Candidate of History, Head of Department of Russian History, Institute of Social Sciences, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

Popov Mikhail Valerievich,

Doctor of History, Professor, Department of Russian History, Institute of Social Sciences, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

A TEACHER, WHO ARE YOU: A CITIZEN OR A CIVIL SERVANT?

KEYWORDS: teacher's congress; teachers; revolutions; dismissal of teachers; persecution of teachers.

ABSTRACT. The article studies the history of teaching in elementary state schools in the revolutionary years of 1905-1907. The article give the quantitative and qualitative characteristics of teachers. In the rural areas of the rals, teachers were the only educated people who could teach the inhabitants of the region and interpret the situation in the country. However, socio-political activity of teachers had negative consequences for them in various types of persecution by the state administration. Teachers officially had the status of civil servants, so they had to be loyal to the government. However, they caught the revolutionary spirit, as most of the teachers were of the same origin as revolutioners: peasants, middle class and other urban inhabitants. They were united by the ideas of changes in Russia. The article draws attention to rather mild forms of punishment of teachers for political reasons. This can be explained by a number of reasons. First, the weak evidence base of allegations of unreliability. In the Urals there was no police control. Second, most teachers in the Urals were women; due to their sex, they were not punished severely. Thirdly, if they arrested and exiled all teachers, there would be no one to teach the inhabitants of the region.

Учительство следует рассматривать не только как профессиональное сообщество, но и как особую социальную группу, игравшую серьезную роль в жизни общества. С одной стороны, от педагогов зависело будущее, так как помимо обучения основам теоретических и прикладных зна-

ний они формировали мировоззрение, новые ожидания, личностную самооценку, а следовательно, и новые общественные вызовы. С другой стороны, учителя обязаны были выполнять государственный заказ и генерировать личностные качества, отвечавшие ожиданиям официальной власти.

Именно поэтому в условиях социального конфликта учителя оказались между молотом и наковальней: как государственные служащие они должны были сохранять верноподданническую позицию, как истинные интеллигенты – идти в ногу с интересами большинства. Вот в такую непростую ситуацию были поставлены отечественные педагоги с началом первой революции в России.

Судьба учительства начальных школ в годы первой российской революции не вызвали большого интереса историков. В советский период в центре внимания была роль пролетариата и его союзников в революционной борьбе, деятельность большевистских организаций в центре и регионах. По отношению к педагогическим кадрам наибольший интерес был проявлен к старшим учителям [12; 25].

В историко-педагогической работе «Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР» чуть более двадцати страниц было отведено на освещение проблем школы и просвещения в период революции 1905–1907 гг. При этом авторы больше акцентировали внимание на волнениях учащихся, позиции родителей, и один абзац был посвящен Всероссийскому союзу учителей и деятелей по народному образованию [16, с. 37–59].

Накануне перестройки была подготовлена диссертационная работа Н. Н. Ушаковой, посвященная учителям начальных народных училищ в межреволюционный период. Традиционно для советского исследователя автор не уделил должного внимания жизни учительства в условиях революции 1905–1906 гг. [27].

Уральские историки новейшего времени обратились к переосмыслению революционных событий, в том числе оценки роли интеллигенции в целом [11; 21], и учительства в частности. Интерес вызывает работа М. В. Егоровой, в которой была раскрыта жизнь учащихся и учителей Урала в начале XX в., в том числе в период первой российской революции. Однако в поле зрения автора оказались преподаватели, главным образом, средних учебных заведений: гимназий и реальных училищ [8].

Максимально к заявленным в данной работе проблемам приблизилась Е. Ю. Априкаримова-Казакова, один из сюжетов ее статьи был посвящен вопросу профессионального объединения педагогов в масштабах уральских уездов и губерний в условиях революции 1905–1907 гг. По мнению автора, этот факт свидетельствовал о повышении общественной активности учителей [1, с. 106].

В начале 2018 г. вышла монография, посвященная исследованию состояния школы и учительства г. Екатеринбурга в го-

ды революции, но авторы сосредоточились на событиях 1917 г. [17].

Историографическая ситуация позволяет констатировать, что пришло время дать оценку позиции учителей низших начальных училищ уральского края в годы первой российской революции. Именно они составили подавляющее большинство учительского корпуса и могли оказать существенное влияние на общественно-политическую жизнь российской провинции.

В Пермской губернии в начале 1905 г. в штате начальных народных училищ различных типов: земских, министерских, городских, железнодорожных и др., за исключением училищ церковного ведомства, насчитывалось 3360 учителей, в Уфимской – 1515 [13, л. 95], по Вятской губернии мы располагаем статистикой конца XIX в., учителей начальных школ было 7878, это весьма внушительный показатель, даже если его не коррелировать на период первой российской революции [15, с. 4].

Профессиональная подготовка педагогов не отвечала запросам времени. Из 4875 учителей начальных школ Пермской и Уфимской губерний, входивших в состав Оренбургского учебного округа, лишь 592 (12%) получили специальное педагогическое образование, остальные имели общеобразовательную подготовку в объеме средней или даже начальной школы [Подсчитано авторами: 13, л. 95].

К началу XX в. наметилась тенденция к демократизации социального состава учительства, выходцы из крестьян и широких городских слоев составили в Пермской губернии 65,7% [24, с. 227], в Вятской губернии – 46,4% (из семей священнослужителей – 26,4%, из мещан – 11,9%, из чиновников – 4,7%, из различных городских слоев – 7,5%, из дворян – 0,7%) [10, с. 132–133]. Преобладание в учительском сообществе выходцев из низов сблизило эту профессиональную группу с широкими массами населения, позволяет рассматривать ее представителей как подлинно народных учителей, отождествивших свои проблемы с чаяниями земляков, отразивших политические настроения значительных социальных слоев.

Авторы настоящей статьи поставили перед собой цель – проанализировать взаимодействие учительства и государственных властей в условиях общественных потрясений, связанных с революцией 1905–1907 гг., выявить политические позиции учителей начальных народных училищ и реакцию администрации на социально-политическую активность педагогов на материалах Урала: Вятской, Пермской, Уфимской губерний.

Как на общероссийском, так и региональном уровне учителя начальных народных училищ включились в революционный процесс. В апреле 1905 г. был создан Всероссийский учительский союз, который не только продвинул либерально-демократические идеи, но и был организатором учителей с активной протестной позицией, оказал им юридическую и материальную помощь. В его составе насчитывалось 12 тыс. учителей начальных народных училищ из общего числа 200 тыс. на конец 1905 г. [4, л. 1]. Союз имел региональные отделения, в том числе и на Урале.

Уральские краевые учительские организации видели роль учительства, прежде всего, в широкой просветительской работе: организации народных чтений, участия в волостных сельских сходах, собраниях сельскохозяйственных обществ, открытии новых и пополнении фонда действовавших библиотек, через которые было возможным распространять легальную литературу по политическим и социально-экономическим проблемам [6, л. 1–60б.]. Такая позиция отражена в постановлениях съезда Союза учителей и учительниц Вятской губернии, который прошел с 6 по 9 августа 1905 г. [6].

Беседы, лекции, обсуждение положения школьного дела позволили учителям донести до земляков информацию о происходивших событиях, дав им возможность задуматься о своих насущных проблемах. Посетители библиотек смогли непосредственно через прессу и легальную литературу погрузиться в политические процессы, охватившие страну и уральский край.

Надо сказать, что ситуация в образовании также давала повод для обсуждения и выражения претензий властям. Еще в 1870-х гг. идея всеобщего обучения вызвала интерес гласных Нолинского, Орловского, Яранского (1873 г.), Шадринского (1875 г.), Осинского (1876 г.) земств. Они были убеждены, что «только посредством распространения грамотности, только учреждением народных школ, доступных всем и каждому, возможно поднять нравственный и умственный уровень народной массы, при постоянном, последовательном взаимном вспомоществовании в сем предмете всех членов общества» [23, с. 235]. Собрания гласных указанных земств обратились с ходатайствами о введении всеобщего начального обучения. Однако на всероссийском уровне эта проблема была поставлена только в 1906 г., но так и не была решена. Такое пренебрежение к актуальным потребностям населения стало еще одним поводом для роста недовольства.

Вступление учителей в ряды участников революционных событий во многом объяснялось их недовольством своим мате-

риальным положением. Жалование преподавателей начальных народных училищ было весьма скромным. Проведенное накануне первой российской революции в 1903 г. исследование материального положения в двадцати губерниях Российской империи, включая Вятскую, Пермскую, Уфимскую, показало, что среднегодовое жалование учителя начального учебного заведения составило 240–298 рублей [9, с. 63]. Это была настолько нищенская сумма, что по расчетам одного из уфимских учителей, от жалования после произведенных минимальных жизненно необходимых затрат «остается четыре копейки на обувь, одежду, непредвиденные расходы в случае болезни, на мелкие расходы по хозяйству, не говоря уже о других насущных потребностях интеллигента» [цит. по: 22, с. 147].

Государство не приняло на себя ответственность по обеспечению защищенности материальных интересов учителей начальных народных училищ. Педагоги были вынуждены собственными средствами гарантировать стабильность уровня жизни, учреждая кассы взаимопомощи, общества взаимного вспомоществования.

1 июля 1896 г. в Вятской губернии было открыто «Общество взаимного вспомоществования учащим и учившим в начальных народных училищах и школах Вятской губернии». В 1899 г. в его составе было 945 человек, размер фонда – более 11 тысяч рублей. В 1898–99 учебном году из кассы «Общества» было выдано 28 пособий на лечение в размере 1130 рублей и 12 пособий на воспитание детей учителей в сумме 256 рублей [10, с. 127]. В 1901 г. было создано «Общество вспомоществования учащим и учившим в низших учебных заведениях Пермской губернии» с филиалами в Соликамске, Оханске, Осе, фонд которого принципиально вырос за годы первой российской революции [20, л. 6–60б.].

В Оренбургском учебном округе окружное начальство, признав тяжелое материальное положение учителей начальных школ и, в первую очередь сельских, весной 1904 г. приняло решение «...в целях улучшения материального и правового положения народных учителей ... организовать особые школьные советы, на коих возложить обязанности ведать хозяйственную часть и посещение детьми училища» [14, л. 9]. В состав совета вошли школьные учителя, попечитель учебного заведения, представитель волостного крестьянского самоуправления (для сельской местности). Кроме того, в состав совета избиралось два человека на три года от общественных деятелей и меценатов, участвовавших в финансировании учебного заведения. Возглавить

совет должен был школьный законоучитель (законоучитель преподавал обязательный учебный предмет Закон божий).

В годы первой российской революции школьные советы координировали деятельность местных властей, учительства и общественности по улучшению материального положения начальных народных училищ.

Эта мера, тем не менее, не смогла решить все проблемы в сфере образования и остановить растущее недовольство населения. Повышение общественной активности и готовность учительства принять участие в революционном процессе обратили на себя внимание администрации и полиции.

Как свидетельствуют архивные материалы, за 1905–1907 гг. подверглись различным наказаниям за политическую активность в Пермской губернии 84 человека, в Вятской – 81, в Уфимской – 23 [подсчитано по: 18, л. 7–27; 19, л. 2–41]. При этом наибольшее количество учителей, сочувствовавших революции, проживали в Пермском и Слободском уездах. Первый был «столичным», то есть центром губернии, сосредоточением учебных заведений разных ступеней образования. Пермь была местом ссылки, пермские гласные всегда демонстрировали общественно-политическую инициативность. При этом и государственный надзор был поставлен лучше, чем в окраинных уездах. Слободской уезд был самым большим в Вятской губернии, поэтому абсолютный показатель здесь по определению был выше.

Поводы для преследования были разнообразны: участие в противоправительственном митинге, хранение нелегальной литературы, но чаще всего обвинение звучало весьма расплывчато – подозрение в неблагонадежности.

В этой связи и наказания были не слишком суровы, особенно в отношении учителей-женщин: увольнение по решению училищного совета или губернатора, увольнение и высылка из губернии, запрет заниматься преподавательской деятельностью.

Например, по распоряжению губернатора без объявления причин была уволена учительница Комаровской школы Кунгурского уезда Пермской губернии с 23-летним стажем [4, л. 2].

Показательна и судьба учительницы А. К. Пшеничниковой, которая за 1905–1907 гг. была дважды арестована за распространение революционной литературы. Однако, несмотря на рецидив, она была лишена права поступать на государственную службу, в том числе на учительскую должность. Такое решение вынудило Пшеничникову эмигрировать в Харбин [3, л. 7–8].

Согласно списку, прошедших этапом че-

рез Тюмень с 15 апреля по 1 июня 1906 г. учителей было 42 человека [подсчитано по: 5]. Среди них помощник учителя Березовского мужского училища Екатеринбургского уезда Кажихов Иван Степанович, арестованный 4 сентября 1906 г. по причине обнаружения у него прокламации. В дальнейшем он был заключен в тюрьму и наконец отправлен этапом в сибирскую ссылку [19, л. 2, 7].

В 1905–1907 гг. по статистике Казанского учебного округа в Вятской губернии в связи с неблагонадежностью были уволены 74 учителя, в том числе 15 человек в Слободском уезде, 13 – в Малмыжском, по 10 – в Глазовском и Сарапульском [подсчитано по: 18, л. 7–27]. По Оренбургскому округу пострадавших от преследований властей в Пермской губернии было 80 человек, в Уфимской – 23 [подсчитано по: 18, л. 2–41].

Суровые меры наказаний: арест и последующее тюремное содержание – носили по отношению к учителям скорее устрашающе-профилактическое значение, так как их продолжительность была чаще всего невелика – от двух недель до семи месяцев и чаще всего завершались снятием обвинений за неимением доказательств. Этому свидетельствуют судьбы ряда педагогов.

Учитель Соболевского земского училища А. С. Меледина была арестована по подозрению в политической неблагонадежности, но через два месяца была выпущена без суда. Учитель Иргинского двухклассного училища М. Л. Зиновьева была арестована, содержалась семь месяцев под стражей, была освобождена прокурором за недоказанностью обвинения. Учитель Мостовского училища А. И. Введенская была приговорена к двухнедельному заключению в крепости [19, л. 13–13об.].

К сожалению, материалы архивов, прессы, официального документооборота начала XX в. не позволили нам проследить судьбы учителей, затронутых административными преследованиями. Причина очевидна, государство не стремилось «выносить сор из избы», то есть обнародовать факт оппозиционности части государственных служащих, школьных учителей.

Поводом для увольнения или других форм преследования педагогических кадров было и участие во Всероссийском учительском союзе. Учителя Екатеринбурга в 1905 г. учредили региональное отделение Всероссийского учительского союза, в составе которого было около 80 человек [2, с. 200]. Члены регионального союза обсудили проблему демократизации школы. Весной–летом 1905 г. были организованы региональные ячейки Союза в Вятской губернии, в частности в Малмыжском и Слободском уездах. Каких-то существенных ре-

зультатов учительское объединение не достигло, на нисходящем этапе революции его деятельность сошла на нет [2, с. 201].

Наибольший общественный резонанс вызвала общественно-политическая активность пермского регионального отделения учительского Союза. В мае 1905 г. без официального разрешения его члены организовали собрание в доме пермского предпринимателя, мецената и благотворителя Н. В. Мешкова (ц/ Пермь, ул. Монастырская, 11) (рис. 1). Участники этого собрания организовали в губернском центре антиправительственную демонстрацию 14 (1) мая, которая переросла в столкновение с полицией, погромы с применением камней и огнестрельного оружия. 15 (2) мая погромщики подожгли канатную фабрику на Базановской заимке. Волнения были подавлены лишь с помощью войск. Двадцать человек было арестовано [26].

Рис. 1. Дом Н. В. Мешкова по адресу: Пермь, ул. Монастырская, 11

По данным на 7 апреля 1905 г. за причастность к деятельности в региональных уральских отделениях Всероссийского союза учителей пострадали 685 педагогов начальных школ, среди них 141 был уволен, 21 выслан в другой уезд, 503 подверглись аресту, из которых двадцать человек были отправлены в ссылку [4, л. 1].

В этой связи возникла необходимость встать на защиту активной части уральского учительства. В августе 1905 г. Съезд учителей и учительниц Вятской губернии принял решение, что защитить педагогов от гонений за политическую или общественную деятельность возможно через общества взаимопомощи, которые должны были выдавать материальную помощь пострадавшим. Делегаты съезда призвали освещать факты произвола в прессе и бойкотировать тех официальных лиц, кто был замечен в гонениях на учителей [6, л. 3]. А их моральная

и правовая поддержка должна быть возложена на земские учреждения [7].

Понимание уязвимости учительства, необходимости сохранить его как профессиональный отряд привело делегатов съезда к решению призвать педагогов использовать доступные им рычаги политического просвещения населения: организовать народные чтения для населения, лекции о положении школьного дела, открыть библиотеки. К масштабным революционным формам борьбы учительство должно присоединиться в самом крайнем случае, например, если «Союз союзов» примет решение об участии в политической забастовке [6, л. 9], при этом, заручившись поддержкой земских гласных и представителей других профессиональных групп.

Революционные потрясения в России в 1905–1907 гг. не отразились на финансировании народного просвещения в том числе на Урале. Количество начальных народных училищ в регионе не только не уменьшилось, но продолжило расти. В Оренбургском учебном округе в 1905 г. количество начальных школ увеличилось на 62 учебных заведения [13, л. 59].

Преследования школьных педагогов, заподозренных в неблагонадежности, были достаточно умеренные по ряду причин. Большинство учителей начальной школы трудились в весьма отдаленных территориях, где полицейский контроль практически отсутствовал. Население не желало доносить на единственного, возможно, на несколько деревень учителя. Этой ситуацией можно объяснить слабую доказательную базу обвинений педагогов в неблагонадежности.

Достаточно мягкие формы наказаний учителей по политическим мотивам объясняются и процессом феминизации учительских кадров на Урале. К женщинам применялись щадящие меры наказаний, в этом смысле гендерная дискриминация спасла многих учительниц от арестов. Наконец, сработал принцип прагматизма, ведь арестованных и высланных нечем было заменить, а на правительственном уровне шла подготовка проекта о всеобщем начальном обучении.

Начальные народные учителя уральского края не стояли в стороне от революционных событий 1905–1907 гг., но и не были ударной боевой силой. Профессиональный долг превзошел политические мотивы. Они попытались превратить свое рабочее место в средство политического просвещения земляков. Именно профессиональная деятельность педагога позволила повысить политическую культуру населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апркаримова-Казакова Е. Ю. Профессиональные общества и союзы в уральском городе в годы пер-

- вой русской революции // Вестник Пермского университета. – 2015. – Вып. 4 (31). История. – С. 103–108.
2. Бурдин В. И. Екатеринбургские школы за 200 лет [Электронный ресурс] // Екатеринбург за двести лет (1723–1923). – Екатеринбург : Издание Юбилейной комиссии Екатеринбургского городского совета рабочих и красноармейских депутатов, 1923. – С. 172–205. – Режим доступа: <https://yadi.sk/i/9oGvj78hwzLo> (дата обращения: 04.04.2018).
  3. Государственный архив административных органов Свердловской области. – Ф. Р-1. – Оп. 2. – Д. 63600.
  4. Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). – Ф. 517. – Оп. 1. – Д. 70.
  5. ГАРФ. – Ф. 517. – Оп. 1. – Д. 72.
  6. ГАРФ. – Ф. 517. – Оп. 1. – Д. 103.
  7. ГАРФ. – Ф. 517. – Оп. 1. – Д. 106.
  8. Егорова М. В. Повседневная жизнь учащихся и учителей Урала в XIX – начале XX вв. – М. : Памятники исторической мысли, 2008. – 215 с.
  9. Зубков И. В. Российское учительство. Повседневная жизнь преподавателей земских школ, гимназий и реальных училищ. 1870–1918. – М. : Новый хронограф, 2010. – С. 63.
  10. Исследование положения начального народного образования в Вятской губернии с проектом школьной сети для введения всеобщего обучения. Вып. 1. – Вятка, 1900.
  11. Калатников В. П. Политическая деятельность уральской интеллигенции в годы Первой революции в России (1905–1907) [Электронный ресурс] : дис. ... канд. истор. наук. – Пермь, 1993. – Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/politicheskaya-deyatelnosti-uralskoy-intelligentsii-v-gody-pervoy-revoljutsii-v-rossii-1905-1907#ixzz5AV2IULTN>.
  12. Менжинская Л. Р. Петербургское учительство в 1905 году // Народный учитель. – 1925. – № 11.
  13. Национальный архив Республики Башкортостан (далее НАРБ). – Ф. И-109. – Оп. 1. – Д. 167.
  14. НАРБ. – Ф. И-109. – Оп. 1. – Д. 573.
  15. Однодневная перепись начальных школ империи, произведенная 18 января 1911 г. Вып. VI. Ч. 1. Казанский учебный округ. Губернии: Астраханская, Вятская, Казанская, Самарская, Саратовская и Симбирская. – СПб. : Екатеринбургское печатное дело, 1913.
  16. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. Конец XIX – начало XX в. / под ред. Э. Д. Днепров, С. Ф. Егорова, Ф. Г. Паначина, Б. К. Тебиева. – М. : Педагогика, 1991. – 479 с.
  17. Попов М. В., Бахтина И. Л., Игошев Б. М., Клименко И. М. Общеобразовательные школы и учительство Екатеринбурга в годы революции и гражданской войны (1917 – начало 1921 г.). – Екатеринбург : [б.и.], 2018. – 75 с.
  18. Российский государственный исторический архив (далее РГИА). – Ф. 733. – Оп. 201. 1907 г. – Д. 43.
  19. РГИА. – Ф. 733. – Оп. 201. 1907 г. – Д. 47.
  20. РГИА. – Ф. 733. – Оп. 205. – Д. 2167–2169.
  21. Свицерский А. О положении начального народного образования в Уфимской губернии // Образование. – 1902. – № 5–6. – С. 145–158.
  22. СПЗ. – 1886. – N 8–10.
  23. СПЗ. – 1889. – N 6.
  24. Степанов А. Н. Участие учительства Петербурга в первой русской революции // Советская педагогика. – 1941. – № 1.
  25. Уральская жизнь. – 1905. – 19 мая.
  26. Ушакова Н. Н. Земское народное учительство Урала времени двух буржуазно-демократических революций : дис. ... канд. истор. наук. – Свердловск, 1984.

REFERENCES

1. 1. Aprkarimova-Kazakova E. Yu. Professional'nye obshchestva i soyuzы v ural'skom gorode v gody pervoy russkoy revolyutsii // Vestnik Permskogo universiteta. – 2015. – Вып. 4 (31). Istoriya. – S. 103–108.
2. Burdin V. I. Ekaterinburgskie shkoly za 200 let [Elektronnyy resurs] // Ekaterinburg za dvesti let (1723–1923). – Ekaterinburg : Izdanie Yubileynoy komissii Ekaterinburgskogo gorodskogo soveta rabochikh i krasnoarmeyskikh deputatov, 1923. – S. 172–205. – Rezhim dostupa: <https://yadi.sk/i/9oGvj78hwzLo> (data obrashcheniya: 04.04.2018).
3. Gosudarstvennyy arkhiv administrativnykh organov Sverdlovskoy oblasti. – F. R-1. – Op. 2. – D. 63600.
4. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (dalee GARF). – F. 517. – Op. 1. – D. 70.
5. GARF. – F. 517. – Op. 1. – D. 72.
6. GARF. – F. 517. – Op. 1. – D. 103.
7. GARF. – F. 517. – Op. 1. – D. 106.
8. Egorova M. V. Povsednevnyaya zhizn' uchashchikhsya i uchiteley Urала v XIX – nachale KhKh vv. – M. : Pamyatniki istoricheskoy mysli, 2008. – 215 s.
9. Zubkov I. V. Rossiyskoe uchitel'stvo. Povsednevnyaya zhizn' prepodavateley zemskikh shkol, gimnaziy i real'nykh uchilishch. 1870–1918. – M. : Novyy khronograf, 2010. – S. 63.
10. Issledovanie polozheniya nachal'nogo narodnogo obrazovaniya v Vyatskoy gubernii s proektom shkol'noy seti dlya vvedeniya vseobshchego obucheniya. Вып. 1. – Vyatka, 1900.
11. Kalatnikov V. P. Politicheskaya deyatelnost' ural'skoy intelligentsii v gody Pervoy revolyutsii v Rossii (1905–1907) [Elektronnyy resurs] : dis. ... kand. istor. nauk. – Perm', 1993. – Rezhim dostupa: <http://cheloveknauka.com/politicheskaya-deyatelnosti-uralskoy-intelligentsii-v-gody-pervoy-revoljutsii-v-rossii-1905-1907#ixzz5AV2IULTN>.
12. Menzhinskaya L. R. Peterburgskoe uchitel'stvo v 1905 godu // Narodnyy uchitel'. – 1925. – № 11.
13. Natsional'nyy arkhiv Respubliki Bashkortostan (dalee NARB). – F. I-109. – Op. 1. – D. 167.
14. NARB. – F. I-109. – Op. 1. – D. 573.

15. Odnodnevnyaya perepis' nachal'nykh shkol imperii, proizvedennaya 18 yanvarya 1911 g. Vyp. VI. Ch. 1. Kazanskiy uchebnyy okrug. Gubernii: Astrakhanskaya, Vyatskaya, Kazanskaya, Samarskaya, Saratovskaya i Simbirskaya. – SPb. : Ekateringofskoe pechatnoe delo, 1913.
16. Ocherki istorii shkoly i pedagogicheskoy mysli narodov SSSR. Konets XIX – nachalo KhKh v. / pod red. E. D. Dneprova, S. F. Egorova, F. G. Panachina, B. K. Tebieva. – M. : Pedagogika, 1991. – 479 s.
17. Popov M. V., Bakhtina I. L., Igoshev B. M., Klimenko I. M. Obshcheobrazovatel'nye shkoly i uchitel'stvo Ekaterinburga v gody revolyutsii i grazhdanskoy voyny (1917 – nachalo 1921 g.). – Ekaterinburg : [b.i.], 2018. – 75 s.
18. Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv (dalee RGIA). – F. 733. – Op. 201. 1907 g. – D. 43.
19. RGIA. – F. 733. – Op. 201. 1907 g. – D. 47.
20. RGIA. – F. 733. – Op. 205. – D. 2167-2169.
21. Sviderskiy A. O polozhenii nachal'nogo narodnogo obrazovaniya v Ufimskoy gubernii // Obrazovanie. – 1902. – № 5–6. – S. 145–158.
22. SPZ. – 1886. – N 8–10.
23. SPZ. – 1889. – N 6.
24. Stepanov A. N. Uchastie uchitel'stva Peterburga v pervoy russkoy revolyutsii // Sovetskaya pedagogika. – 1941. – № 1.
25. Ural'skaya zhizn'. – 1905. – 19 maya.
26. Ushakova N. N. Zemskoe narodnoe uchitel'stvo Urala vremeni dvukh burzhuazno-demokraticeskikh revolyutsiy : dis. ... kand. istor. nauk. – Sverdlovsk, 1984.